

МОРИН-ХУУР — пожалуй, самый интересный из национальных монгольских инструментов. Квадратная, покрытая орнаментом дека, длинный гриф, увенчанный сверху головой коня, две струны из конского волоса на больших колках и смычок — вот и все. Но возможности, заложенные в этом инструменте, поистине безграничны. Только что по радио под аккомпанемент морин-хуура пели народную песню, потом виртуоз Джамьян исполнил на нем отрывки из «Ивана Сусанина», а вечером я слушаю Гайдна в исполнении оркестра национальных инструментов, где «первая скрипка» — тот же морин-хуур.

Этот инструмент окружен легендой. С ней я познакомился, когда впервые попал в Государственный театр оперы и балета.

Шла опера А. Мюрдоржа «Намжил». Поэтическая история о юноше Намжиле, разлученном жестоким ханом со своей возлюбленной. Всем сердцем рвется к ней Намжил, и добрая фея помогает ему. Сказочный конь, подарок феи, переносит его в родные места, на этом коне он непобедим, он вернет невесту и принесет счастье своему народу. Вероломные слуги хана убивают волшебного коня, надеясь лишить героя силы и веры в победу. Но в руках у Намжила появляется музыкальный инструмент, сотворенный из останков коня. Музыкой морин-хуура он собирает и объединяет вокруг себя народ.

...Я уезжал в Улан-Батор преподавать живопись. Мои представления о Монголии были весьма туманны, я запасался красками, холстами и теплой одеждой. Вместе со мной багаж в Улан-Батор сдавала сотрудница Большого театра, она отправлялась туда преподавать балетное искусство. В вагон грузили большие ярко-желтые ящики с балетными пачками и пуантами, изготовленными для далеких друзей

мастерскими Большого театра. Тогда я ничего еще не знал о монгольском балете, но меня радовало, что девушки-монголки получают пуанты с родины великих балерин.

Передо мной значок Монгольской

Незабываемые дни провел я в его мастерской. Намхайцерен работал тогда над портретом старого партизана Мягмара, некогда сопровождавшего вождя народной революции Сухэ-Батора в Москву на

бытному искусству Монголии. Я должен был делать эскизы костюмов для балетного дивертисмента. В этой работе мне помогал удивительно своеобразный балетмейстер Джамьяндагва. Казалось, ему было

мало суток для работы. В перерывах между репетициями и тренингами он обсуждал со мной эскизы. Он был так изобретателен и требователен, что порой мне казалось, я никогда не сумею выполнить то, что он задумал.

Меня захватила театральная жизнь Улан-Батора. Репетиции шли с утра до поздней ночи, в оперном театре готовили большую праздничную программу и одновременно новый балет композитора Э. Чойдога «Цагток среди бурияна». Замечательные костюмы к этому балету были сделаны по эскизам выпускника Ленинградского художественного института, заслуженного деятеля искусств МНР художника Гавы. Балетмейстер Джамьяндагва поставил балет с присущим ему талантом и блеском. До сих пор передо мной стоит сделанный им для первого танцовщика балета Батора танец хана Ширунгарда. Резкие, экспрессивные движения рук; ноги будто принадлежат другому человеку, они не успевают за ритмом рук. Этот прекрасно найденный рисунок танца создавал яркий, запоминающийся своей жуткостью образ жестокости и безнадежности.

...Праздничный концерт шел с большим успехом. Я сидел в зале и был весь во власти чарующей силы музыки, танца, неповторимых красок. Лейтмотивом звучал голос древнего морин-хуура. Бесконечно многообразен его голос и поразительно созвучен со всем, что происходит на сцене. Он звучит из самой глубины веков — то гневно, то скорбно, когда поет о прошлом, то оживает и молодеет, когда поет о современной счастливой жизни Монголии. Он правдив и прекрасен, этот морин-хуур — живая душа монгольского народа.

Джаид ДЖЕМАЛЬ,
художник.

ПЕСНИ МОРИН-ХУУРА

го театра оперы и балета. Его совсем недавно прислали мне монгольские друзья в память о совместной работе. На значке здание театра — точно такое, каким я увидел его, когда впервые вышел на площадь Сухэ-Батора: светло-оранжевый театр на фоне синих гор и лазурного неба. Нет на значке только людей, шумной толпы любителей оперного и балетного искусства, постоянно осаждающей театр. Количество театралов в Улан-Баторе так велико, что я не сразу смог попасть на спектакли. Случай спел меня с одним из самых интересных людей монгольского искусства Намхайцереном. Хотел написать — художником Намхайцереном. Я познакомился с ним на втором съезде художников Монголии, а потом работал в его мастерской. Он был главным художником оперного театра. Но, оказалось, живопись — далеко не единственный дар этого замечательного человека. Он — тонкий музыкант, еще в молодости был концертмейстером оркестра. Он и превосходный лингвист, владеющий многими восточными и европейскими языками. По образованию же он инженер, строитель мостов — я видел его мост через реку Орхон. Мой друг, художник Одон, говорит о Намхайцерене: «Кажется, он не был только далай-ламой»... Талантливый организатор, Намхайцерен сейчас директор Театра оперы и балета.

встречу с В. И. Лениным. Мы ставили рядом свои мольберты (я тоже писал Мягмара), а старый партизан рассказывал о памятных встречах. Намхайцерен переводил, не отрываясь от работы, а когда сеанс заканчивался, мы заводили небесные беседы об искусстве. Десятилетиями связанный с театром, Намхайцерен говорил о нем с особым жаром:

— Театральный художник должен знать всю кухню создания спектакля — вплоть до того, как и из какой ткани сшить костюм, как лучше менять декорации, правильно организовать сцену. В его воображении раньше всех рождается зримый образ спектакля.

Особенно приятным и ответственным оказалось мне его предложение принять участие в работе Улан-Баторского театра. С тех пор в моей душе навсегда осталась любовь к яркому и само-

Портрет Намхайцерена. Работа автора.